

УДК 811.112.2'276.3+811.112.2'36

ГЕНДЕРНАЯ ГРАММАТИКА (II)

Л.В. Самуйлова

Тверской государственный университет, Тверь

Грамматический строй немецкого языка рассматривается в гендерной перспективе. Акцент делается на отражении пола в языке и речи.

Ключевые слова: *гендер, грамматика, андроцентризм, род, пол, мужская речь, женская речь.*

«Am Geschriebenen siehst du ja nicht einmal,
wer spricht, Mann oder Frau!».

Da hatte er recht, das war ein Argument.

S. Nadolny. Selim oder Die Gabe der Rede.

*Den Männern in der Welt haben wir soviel
seltsame Erfindungen in der Dichtkunst zu dan-
ken ...*

G.Ch. Lichtenberg

В развитие заявленной ещё в прошлом номере «Вестника» темы [10] и для завершения рассмотрения вопроса о способах отражения пола в языке на высокой (стандартной) грамматической ноте целесообразно обратиться к изданиям и авторам, лишённым чрезмерной гендерной ангажированности, ищущим политкорректные возможности по ослаблению андроцентризма и устранению гендерной асимметрии немецкого языка в рамках грамматического стандарта.

Так, не могут вызвать возражений грамматические поправки, имеющие целью языковое нивелирование дихотомии естественного пола. С точки зрения Д. Циммера упоминание в спортивных репортажах фамилии спортсменки (напр., Graf) в отрыве от её имени, как это принято для спортсмена (Becker), снимает ощущение некоторой фамильярности. Вполне оправдано также и опущение «женского» артикля die. Пассажи типа «die Graf» более уместны в ситуациях дворового повседневного общения между соседями (см. об этом: [19, с. 162]).

Системные инновации, регистрируемые грамматикой серии Дуден, отвечают выработанным рекомендациям по нейтрализации гендерного фактора в немецком языке и поддерживают специфическую тенденцию обязательного обозначения женского пола. В качестве подтверждения приводим цитату из упомянутого грамматического источника:

«Im Zuge der Bemühungen um eine sprachliche Gleichstellung von Frauen werden zunehmend feminine Formen verwendet, wenn weibliche Personen gemeint sind» [13, с. 199].

Корректировке подверглись родовые отношения в конструкциях с относительным местоимением, вводящим придаточное определительное после *jemand* и *niemand*. Модель с выраженной маскулинной принадлежностью (если даже имелась в виду представительница женского пола) – *Sie ist jemand, der ...*, уступила место феминистскому грамматическому неологизму (термин «феминистский неологизм» встречается в статье А.В. Кирилиной [4, с. 233]) – *Sie ist jemand, die ...* [13, с. 199]. Правило подтверждено новым авторским коллективом грамматики этой серии. Ср.: «Bei Bezug auf *jemand* kann sich auch das natürliche Geschlecht durchsetzen» [14, с. 1009]. В качестве эмпирической поддержки приводятся примеры из Интернета:

«Also wusste ich, da war jemand, *die* dasselbe Alter hatte und eine Schauspielerin war. Ich kenne jemand, *die* das günstig und in sehr guter Qualität anbietet» [там же].

Изучение способов грамматического представления пола в языке – гарантия прозрачности системных гендерных отношений, которые при соответствующем подходе могут быть вполне адекватно описаны. «Хотя < ... > в языке есть много примеров непоследовательности, всё же соответствие между женским полом и женским родом, с одной стороны, и между мужским полом и мужским родом – с другой, настолько отчётливо, что оно чувствуется довольно сильно» [3, с. 268].

Понятные трудности возникают при обращении к феномену гендерного речевого поведения (*geschlechtergerechte Sprachverwendung*), письменного и устного. Специалисты различных научных направлений и отраслей знаний рассуждают о «мужском и женском языке» («*Männersprache*», «*Frauensprache*»), «мужской и женской речи» («*Männerrede*», «*Frauenrede*») «мужском и женском стилях речи» («*männlicher Redestil*», «*weiblicher Redestil*»), «женском письме» («*weibliches Schreiben*»), «мужском письме» («*männliches Schreiben*»), мужском и женском стилях письма («*Schreibstil: männliche und weibliche Form*»), «двух вариантах речи (женском и мужском)» («*geschlechtergerechte Sprache*»), «гендерных диалектах», или гендер(о)лектах / секс(о)лектах («*Genderlekt*», «*Sex(o)lekt*»), гендерных подъязыках. [1; 2; 4; 6; 7; 15; 17]. Приведённый перечень позволяет выделить несколько предметных исследовательских точек. Во-первых, это медиальная составляющая маскулинно-фемининной коммуникации (устный – письменный) с преференциальными и качественными параметрами речи. Во-вторых, в рамках письменной медиальной сферы –

это так называемое «женское письмо» («weibliches Schreiben») – продукт литературного творчества представительниц прекрасного пола.

Интересны заключения шведских лингвистов, видящих причину речевых различий мужчин и женщин в большей приверженности женщин языку контакта – (Sprache der Nähe), а мужчин – дистантному языку (Sprache der Distanz) [16, с. 321]. Первый, как известно, ориентирован, на устность (разговорность), второй – на письменность.

Не менее интересно и, в известном смысле, созвучно выводам шведских учёных мнение О. Бэрнфэнгера, сформированное на основе анализа эмпирических данных тестирования в системе «Немецкий как иностранный» («Deutsch als Fremdsprache»). Показатели женщин были выше показателей мужчин по всем экзаменуемым аспектам: чтение (Lesen), аудирование (Hörverstehen), говорение (mündlicher Ausdruck), письмо (schriftlicher Ausdruck). Эти данные позволили О. Бэрнфэнгеру сделать вывод об очевидных преимуществах женщин перед мужчинами, которые заключаются в более высокой степени коммуникативности женщин и во владении ими продуктивными речевыми навыками. Ср.:

«Offenbar sind Frauen also vor allem bei den produktiven Fertigkeiten im Vorteil. Die analysierten Daten stellen somit weitere empirische Evidenz für die weit verbreitete Behauptung dar, Frauen seien kommunikativer als Männer» [12, с. 237].

Истоки гендерной дифференциации речи следует искать в социальной истории коммуникации, детерминированной общественным разделением труда, половозрастными бытовыми различиями и табу [7, с. 280; 1]. Пионерской эмпирической базой теории гендерной дифференциации речи стали «экзотические» языки как атрибуты народов с традиционной культурой. Так, Э. Сепир говорит о мужском и женском вариантах речи на примере диалектов языка яна. Его основные выводы сводятся к следующему: женские варианты языка яна представляют собой редуцированные формы, обусловленные фоно-морфологической языковой экономией. Укороченные формы – символ менее центрального или менее ритуально значимого статуса женщин в обществе [11].

Специальный поиск гендерных противопоставлений в европейских языках дал новый материал к размышлению о степени и характере дифференциации речи мужчин и женщин. Русский язык принадлежит к группе языков, в которых пол говорящего может и должен быть эксплицирован, например, в прошедшем времени: *Я ушла – я ушёл*. То же в сослагательном (условно-желательном) наклонении: *Я написала бы – я написал бы*. Пол говорящего не выражен в конструкции с глаголом в будущем времени: *Я приду*. В случаях, когда пол необходимо эксплицировать, говорящий вынужден прибегать к дополнительным языковым средствам с формальным выражением пола. Например: *Я сама / сам со-*

обшу. Факт «небесплодности» русского языка, сигналом которого являются глагольные грамматические формы на –ла, поэтически обыгран двумя авторами (цит. по [8, с. 310, 311]):

Славянская женственность
Как речь славянская лелеет
Усладу жен! Какая мгла
Благоухает, лунность млеет
В медлительном глагольном *ла!*
(В. Иванов, 1910 г.)

Идешь, с наивностью чистоты
По-женски вся спрягая.
И показалось мне, что ты –
Как статуя – нагая.
Ты лепетала. Рядом шла.
Смеялась и дышала.
А я ... я слышал только: «ла»,
«Аяла», «ала», «яла» ... (И. Сельвинский)

Весьма плодотворным оказывается обращение к материалу восточных языков, в частности японского, незаслуженно обойдённого вниманием европейской лингвистической наукой. В.М. Алпатов так определяет место японского языка в гендерной языковой иерархии:

«Японский язык находится как бы посередине между некоторыми языками народов, где полностью господствуют традиции древних эпох, и языками вроде русского или английского, где гендерные различия надо особо выискивать» [1].

На дидактическом уровне гендерная асимметрия проявляется в том, что японский язык учебников и нормативных грамматик «в основном отражает то, как говорят мужчины». Особенности женской речи, воспринимаемые «в большей степени как отклонения от нормы», подвергаются специальному изучению [там же].

Приведённые (и другие) факты дают основание некоторым языковедам говорить не об особенностях мужского и женского говорения / письма, а о двух вариантах речи (женском и мужском) безотносительно формы выражения (устной или письменной). В таком случае они должны быть готовы предметно поспорить с автором цитаты, приведённой в качестве эпиграфа. Своё нежелание осваивать письменную форму языка молодой человек оправдывает её недостатком – «по письму не поймёшь, кто говорит, мужчина или женщина».

Профессионально-прагматический подход к проблеме распознавания «пишущего пола» – прерогатива судебного автороведения. Выбор исследовательской темы «Идентификация пола автора по письменному тексту (лексико-грамматический аспект)» [9], вне всякого сомнения, отвечает нуждам и запросам криминалистики (не фоноскопии, а автороведения) по выработке методик определения пола автора анонимного и псевдонимного текста. Как представляется, выводы Е.С. Ощепковой не дают достаточных оснований для включения параметра «пол» в перечень идентификационных (наряду с дифференциацией автора и испол-

нителя текста, установлением места рождения или длительного проживания автора, уровня его образования и профессиональной принадлежности, диагностикой психофизиологических состояний и психических заболеваний, установлением возраста) [9, с. 68–75]. Немецкие лингвисты не спешат с вводом пола в список параметров (родной язык, региональная / диалектная принадлежность, возрастная группа, образовательный уровень, профессиональная деятельность, владение техникой письменной речи), по которым может быть установлено авторство письменного текста [18, с. 52]. В этом они солидарны с теми лингвистами, которые не готовы оперировать понятием «гендерлект» как постоянным набором признаков мужской и женской речи, полагая, что «роль субкультурного фактора сильно преувеличена», что «различия в мужской и женской речи не столь значительны, не проявляют себя в любом речевом акте и не свидетельствуют, что пол является определяющим фактором коммуникации» [4, с. 153]. Речевое поведение человека в большей степени проецируется конкретной коммуникативной ситуацией общения, социальным статусом, уровнем образования, возрастом коммуникантов, а не их полом. Одним из наиболее важных достижений гендерной лингвистики считается «отрицание перманентного присутствия категории гендер в языке и речи (коммуникации)», т.е. признание его «плавающим» параметром, «фактором, проявляющимся с неодинаковой интенсивностью, вплоть до полного исчезновения» [5].

Ключевое словосочетание «женское письмо» переносит исследователя в поле литературного художественного творчества, которое долгое время было маскулинной епархией. Доказательством служат афористические обобщения известных немецких литераторов, которые строятся на маскулинной основе и апеллируют лишь к мужской половине его носителей (Mann, Mensch, Schriftsteller, Dichter, Lyriker, Autor), что имеет отчётливую грамматическую поддержку в виде формы артикля и флексии прилагательного.

Bei manchem Werk *eines berühmten Mannes* möchte ich lieber lesen, was er weggeworfen hat, als was er hat stehenlassen. (G.Ch. Lichtenberg)

Ein Dichter muß täuschen. Darstellen muß jeder. Der gute Philosoph stellt Wahrheit dar. *Der Dichter* Leben. Das sind die Grenzen, wo sie sich voneinander absondern. Das sind die Grenzen der Poesie und Prosa. (J.J.W. Heinse)

Solang *ein Mensch* ein Buch schreibt, kann er nicht unglücklich sein (J. Paul).

Ein berühmter Autor sollte auch Sätze, die andere gesagt, wiederholen, um der Wahrheit sein Gewicht hinzuzutun. (J. Paul)

Der Lyriker ist nur in seiner Balzzeit kritisch schußgerecht und ausstopfbar als gutes Muster für die Literaturgeschichtssammlung. Nachher schreibt er ein «Tagebuch», und das wird dann von der Polizei verboten (W. Raabe).

Не составила исключения и представительница прекрасного пола М. фон Эбнер-Эшенбах:

Ein Dichter, der einen Menschen kennt, kann hundert schildern. (M. von Ebner-Eschenbach)

Das Wort «unbeschreiblich» sollte *der Schriftsteller* nie gebrauchen. Freilich kann er nicht alles beschreiben, aber in seinen Leser muß er ein Bild, ein Gefühl, eine Ahnung dessen erwecken können, was sich nicht beschreiben läßt. (M. von Ebner-Eschenbach)

То же ощущение мускулиной доминанты остаётся после просмотра аналогичного тематического ряда афоризмов известных отечественных авторов. Ср., например:

Произведения больше открывают *писателя*, чем дневники. Произведения открывают цель человека. (Л. Толстой)

Как страшно всё бытие *непишущего, нетворческого человека*. Каждое его действие в самом себе исчерпывает свою куцую жизнь, без всякой надежды продлиться в вечности. (Ю. Нагибин)

Поэт со всей полнотой должен выразить себя самого - тогда он нужен всем, ибо в нём проступает эпоха. (И. Сельвинский)

Пишущий в самые высокие минуты вдохновения чувствует, как будто кто-то ему диктует рукопись. (Фазиль Искандер)

Дискриминация по половому признаку на отечественной почве выразилась в дифференциации названий этой творческой профессии (поэт – поэтесса) с декларированием качества мужской литературной (поэтической) продукции. Только «поэт» (не «поэтесса») может писать настоящие стихи. Вызов маскулинному мышлению («*Я не люблю восторженных девиц... иная же - помилуй бог - поэтка.*» А.Тургенев) – «Поэтка» от Юнны Мориц (см. об этом: [8, с. 309, 310]).

Список литературы

1. Алпатов В.М. Мужская и женская речь [Электронный ресурс] / В.М. Алпатов // Япония : язык и культура / Режим доступа : http://www.nnre.ru/kulturologija/japanija_jasyk_i_kultura/p9.php. - Дата обращения : 10.10.2013. – Заглавие с экрана.
2. Горошко Е.И. Мужской и женский стили письма [Текст] / Словарь гендерных терминов ; под ред. А.А. Денисовой. – М. : Информация – XXI век, 2002. – С. 156, 157.
3. Есперсен О. Философия грамматики [Текст] // О. Есперсен ; пер. с англ. : под ред. и с предисл. Б.А. Ильина. – М. : Издательство иностранной литературы, 1958. – 403 с.

4. Кирилина А.В. Мужская и женская речь [Текст] / Словарь гендерных терминов : под ред. А.А. Денисовой. – М. : Информация – XXI век, 2002. – С.151–154.
5. Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования [Электронный ресурс] // Отечественные записки. – 2005. – № 2. / Режим доступа: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/02/25/120_8583_128/OZ_2005_2_Kirilina_Tomskaya.pdf – Дата обращения: 06.10.2013. – Заглавие с экрана.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / В.А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
7. Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации : от клинописи до Интернета : курс лекций по общему языкознанию [Текст] / Н.Б. Мечковская. – М. : Флинта ; Наука, 2009. – 584 с.
8. Новиков Вл. Роман с языком [Текст] / Вл. Новиков. – М. : Зебра, 2007. – 416 с.
9. Ощепкова Е.С. Идентификация пола автора по письменному тексту (лексико-грамматический аспект) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. / Е.С. Ощепкова ; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2003. – 154 с.
10. Самуйлова Л.В. Гендерная грамматика (I) [Текст] / Л.В. Самуйлова // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2013. – № 5. – Выпуск 2 «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – С. 259–266.
11. Сепир Э. Мужской и женский варианты речи в языке яна [Текст] / Э. Сепир // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М. : Издательская группа «Прогресс» «Универс», 1993. – С. 455–461.
12. Bärenfänger, O. Weibliche Sprachbegabung: Mythos oder Wirklichkeit? [Текст] // Deutsch als Fremdsprache. – 2004. – Nr. 4. – S. 232–238.
13. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache [Текст] // hrsg. von der Dudenredaktion ; 6., neu bearb. Auflage. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1998. – Band 4. – 912 S.
14. Duden. Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch [Текст] // hrsg. von der Dudenredaktion ; völlig neu erarb. und erw. Auflage. – Mannheim : Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2006. – Band 4. – 1343 S.
15. Gauger, H.-M. Was wir sagen, wenn wir reden. Glossen zur Sprache. [Текст] / H.-M. Gauger. – München : Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co.KG, 2007. – 278 S.
16. Linke, A., Nussbauer, M., Portmann, P.R. Studienbuch Linguistik [Текст] / A. Linke, M. Nussbauer, P.R. Portmann. – Tübingen : Niemeyer Verlag, 2001. – 544 S.

17. Löffler, H. Germanistische Soziolinguistik [Текст] / H. Löffler. – Berlin : Erich Schmidt Verlag, 1994. – 230 S.
18. Rather, M. Sprache und Recht [Текст] / M. Rather. – Heidelberg : Universitätsverlag Winter GmbH, 2006. – 100 S.
19. Zimmer, D. Deutsch und anders – die Sprache im Modernisierungsfieber [Текст] / D. Zimmer. – Reinbeck bei Hamburg : Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1998. – 382 S.

GRAMMAR OF GENDER

L.V. Samujlova

Tver State university, Tver

Different aspects of the category of gender are discussed. The article deals with grammatical problems of gender. According to the German grammar system the person's natural gender influences the grammar categories. The article puts emphasis on the reflection of gender in language and speech.

Keywords: *gender, German language, grammar of gender, androcentrism.*

Об авторе:

САМУЙЛОВА Лидия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка Тверского государственного университета, e-mail: lissam50@mail.ru